

УДК 94(47)

Е. В. Годовова

**«Казак без службы не казак»: собирательный образ казака-воина
(вторая половина XIX — начало XX века)**

Опираясь на архивные материалы и источники личного происхождения, автор приходит к выводу, что в экстремальных военно-полевых условиях второй половины XIX — начала XX века сформировался особый образ казака-воина. Независимо от войсковой принадлежности казаки были сильными, отважными, ловкими, выносливыми, славились честностью и чувством долга.

Ключевые слова: казак, казачество, воин, военная служба, военно-походная повседневность.

Современная историческая наука характеризуется развитием таких научных направлений, как история образов (image history) [24] и история повседневности [11, 12, 13, 14, 16]. На стыке этих новых подходов актуальными становятся исследования, посвященные реконструкции в общественном сознании образов тех или иных этнических или социальных групп. Цель нашей статьи — провести исторический анализ собирательного образа казака-воина во второй половине XIX — начале XX века.

Само понятие «казак» у разных народов трактовалось по-разному: у степных народов как «сторож», у башкир и татар — «вольный человек» или «удалец», но общим было у всех одно: умелый и храбрый воин, готовый отдать жизнь за свой народ, за свое казачье братство [21, с. 13]. Говоря о встрече земляков на чужбине, полковник Кубанского казачьего войска Ф. И. Елисеев отмечает, как радостно было ощущать войсковую казачью близость [8, с. 36].

Ростислав Андреевич Фадеев — генерал русской армии и автор ряда произведений о восточном вопросе, Кавказской войне, вооруженных силах России и русском обществе. В своей работе «Шестьдесят лет Кавказской войны» он описывает линейных и черноморских казаков и отмечает их способность воевать как сомкнутым строем, так и верхом. «Бесстрашные, неутомимые, быстрые как ветер, умеющие блокировать неприятельскую армию в ее собственной стране, разъединить ее, обхватить с тыла и флангов, разорвать сообщение между отдельными колоннами. Лучшие линейные полки формировались из поселян, которые за несколько лет жизни на пограничной черте становились самыми отважными и ловкими наездниками, вполне дисциплинированными солдатами, способными ко всякого рода службе» [цит. по: 23, с. 107], — так характеризует их Р. Фадеев.

Похожую характеристику линейным казакам дал и Александр Дюма во время своего путешествия на Кавказ. Он отмечал, что они бесподобные солдаты, невероятно храбрые, воинственные, ловкие и жизнерадостные [7, с. 52].

Внешний вид, умение обращаться с оружием и лошадьми, личные качества представителей разных казачьих войск несколько различались. Но мужество, выносливость и уверенность в собственных силах были неотъемлемыми чертами практически каждого казака [1, с. 16].

Высокий, красивый молодой человек в военной форме. Его статья, выправка, висевшая на боку шашка, шпоры, чуть сдвинутая набок фуражка выдают в нем настоящего донского казака [10, с. 22].

Генерал-губернатор, командующий войсками Туркестанского военного округа, в приказе по войскам отмечал после осмотра большей части казачьих сотен Сибирского,

© Годовова Е. В., 2015

Семиреченского, Уральского и Оренбургского войск, что лучше всего обучены и содержатся лошади у казаков-уральцев, но их одежда не так чиста, как у оренбургских казаков. Уральские казаки умеют хорошо обращаться с оружием, в то время как многие оренбургские казаки не знают, ни как прицеливаться, ни как правильно заряжать ружья.

Молодые казаки-оренбуржцы красивы, сильны, одеты «с иголки», в сражениях отчаянно храбры. Но этого недостаточно, чтобы одержать победу в бою: в первую очередь казак должен быть хорошо обучен, иметь крепкого коня и исправное оружие [18, л. 19—19 об.].

Майор Дж. Хоум в своем рапорте, составленном в ноябре 1904 г., отмечал, что забайкальцы были низкорослыми, малограмотными, но лучше других знали местные условия и могли говорить по-китайски, что являлось важным навыком. Кроме того, забайкальские казаки, в отличие от донцев и кавказцев, плохо понимали сигналы командира и плохо реагировали на них [9, с. 363—365]. Не было у забайкальцев и чувства ответственности за утрату казенного оружия: часто на месте ночлега они забывали одну или две винтовки, и за это виновные не подвергались никакому наказанию, а исчезнувшую винтовку показывали потерянной в бою, во время переправы или нечаянно сгоревшей [9, с. 51].

Высокой оценки Хоума удостоились уральские и оренбургские казаки. Он отмечал ум, грамотность, подготовленность и организованность оренбургских казаков в сравнении с казаками всех остальных войск, привязанность оренбуржцев к своим лошадям [5, с. 182].

Превосходной военной организованностью отличались донские и линейные казаки. Как отметил А. В. Квитка, в руках опытного начальника они угрожали неприятелю со всех сторон, дразнили его, не пропуская случая напасть на слабые его части, и сами были неуязвимы. Отступая перед противником, во много раз превосходящим их силою, уворачивались от прямого нападения и увлекали врага туда, куда им было выгодно, заставляя подчиниться своей воле [9, с. 363—365].

Примером воинской доблести донских казаков стал штурм австрийской укрепленной позиции в 1915 г. По свидетельству очевидца и участника этого события хорунжего 9-го Донского казачьего генерал-адъютанта графа Орлова-Денисова полка Михаила Биркина, можно было видеть, как лопаются черепа от ударов прикладами сильной казачьей руки, как ловко фехтует донец против штыка, как умудряется он поразить насмерть 5—6 врагов [19, л. 243].

В условиях военной жизни проявлялся и конфликт поколений: старого и нового офицерства. Опытные есаулы, прошедшие не одно сражение, стремились быть для молодых казаков настоящими «отцами-командирами», считавшими, что в сотне не должно быть никаких происшествий, в то время как молодых офицеров привлекал риск. Этим они и нравились казакам [8, с. 75].

Свойственно было казакам чинопочитание, соблюдение субординации даже с родственниками. Ф. И. Елисеев в своих воспоминаниях описывает, как встретился он под стенами только что взятой казаками крепости Баязет (1914 г.) со своим старшим двоюродным братом Филей Савеловым, лихим наездником, весельчаком и танцором. Будучи младшим урядником, тот не смел подойти к брату-хорунжему в присутствии своего командира сотни, пока Федор сам не подошел к Филе и не обнял его [8, с. 36].

В условиях походной жизни ковался настоящий мужской характер. Казак прежде всего должен быть храбрым, и казачьи офицеры вели борьбу с трусостью. Казак 4-й сотни Александровской станицы Мельников рассказывает о есауле Хабаеве, учившем казаков храбрости. Двух казаков, которые сознались ему в трусости, он отправил добыть патроны из турецких палаток, находившихся за горой, пригрозив им: «Если не исполните при-

казания, голова с плеч долой». Казаки по рвам и ухабам отправились исполнять приказ. На самом деле палатки, названные Хабаевым, были не турецкими, а русского пехотного полка. Урок, заданный «трусам», не пропал даром. Они поняли, что лучше сто раз быть храбрым, чем один раз трусом. Потом они были хорошими казаками и отлично исполняли всякие поручения [17, с. 30].

Казакам были присущи рыцарский дух, любовь к свободе и независимости, способность к организации, чувство собственного достоинства, храбрость, любовь к своему верному другу-коню, выдающиеся качества воина [2, с. 21]. В качестве одного из доказательств можно привести подвиг вахмистра гвардейской донской казачьей батарее Антона Аведикова. Поднимаясь в гору, Аведиков с батарейным обозом отстал от батареи. Так как при батарее денежного ящика не было, все батарейные суммы в количестве 9 тысяч находились при обозе. Батарее было приказано не останавливаясь следовать дальше. Аведиков с обозом прибыл в деревню Дербет, накормил лошадей и хотел было следовать дальше, как болгарин предупредил его, что к деревне с правой стороны двигаются вооруженные турки, примерно 60 человек. Чтобы спасти обоз, а главное — казенные суммы, вахмистр распорядился так: «Чтобы никого не выпустить из наступавших турок, которые могли дать знать о ничтожном прикрытии обоза, решил не допустить их до деревни, броситься на них вместе с находившимися при нем четырьмя конными казаками и, если удастся, обезоружить. Четырем подвозчикам, управляющим фурами, приказал сесть на пристяжных обозных лошадей и, обскакавши деревню, показаться в тылу у турок. Вынув револьверы, Аведиков вместе с казаками выехали из деревни и понеслись на турок. Казаки подскакали к неприятелю шагов на тридцать, сделали залп из револьверов и убили двух. Наскочивши с вынутыми пашками, казаки криком и знаками показали туркам положить оружие.

Турки, озадаченные неслыханною смелостью и слыша в тылу крики казаков, сдались. Пленные были приведены в деревню. После этого лихой вахмистр, зная близость турок, тотчас запряг обоз и потянулся назад, захватив 59 пленных и часть болгар для конвоя.

За геройский поступок вахмистр Аведиков был произведен в офицеры» [6, с. 182—183].

Экстремальные ситуации обостряют до предела человеческие чувства, вызывают необходимость принятия немедленных решений, предельной четкости и слаженности действий [22, с. 12]. Знаменосец 40-го полка Федор Аржанцев с товарищами попал в окружение, спасая полковое знамя, снял его с древка, обмотал вокруг своего тела и прикрыл гимнастеркой. Трое суток отважный знаменосец пробирался к границе, днем скрывался в камышах на болотах, а ночью по звездам продолжал путь. Под утро четвертой ночи его, изнемогшего, потерявшего сознание, подобрали на своей земле и отправили в госпиталь [4, л. 9].

Отличались казаки и поразительной выносливостью. Всю ночь блуждали казаки-разведчики 1-го Кавказского полка по ущельям и валунам, охраняя границу и свой отряд. Замерзшие и усталые, они старались не уснуть, внимательно вглядывались во тьму, опасаясь нападения турок [8, с. 22].

Урядник 1-й сотни Лоншаков заблудился в лесу и двенадцать дней голодный, больной, с простреленной рукой бродил по лесу, а потом в горах. Питался в маньчжурской тайге диким луком. Услышав русские песни, вышел на дорогу, где встретил Читинский резервный полк [20, с. 18].

Экстремальность походов формировала у казаков и военную смекалку.

Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. один офицер вместе с казаком попали вместо своих ложементов (окопов) в неприятельские. Вскоре офицер это понял и, не долго думая, достал белый платок и начал им махать. Тотчас к нему подбежали турки,

которым он спокойно передал, что прислан в качестве парламентаря. Ему не поверили и препроводили их к начальнику. Допрошенные врозь офицер и казак показали одно и то же. Им поверили и отпустили [6, с. 132].

Из воспоминаний астраханского казака Василия Ковалева мы узнаем, как он с двумя товарищами во время сопровождения интендантского транспорта из города Александрополя в город Гасан-Кала проявили смекалку в добыче пропитания. Путешествие их длилось полтора месяца, и денег, выданных им на покупку продовольствия — по 2 рубля на человека, хватило только на шесть дней. Первое время они перебивались, как могли, а потом «пустились на выдумки». Из картона сделали офицерские погоны и преобразили в офицера самого подходящего по виду — Илью Кожемякина. Как только транспорт останавливался на отдых, казаки отправлялись на промысел в ближайший аул. Первым ехал сам Василий Ковалев, изображая из себя денщика. Выбирал дом получше, стучал в дверь нагайкой, вызывал хозяина и строго говорил ему, что сейчас здесь будет его барин Фонов-Андронов и он изволит здесь завтракать и отдыхать. Через полчаса подъезжал сам «барин», слезал с коня, небрежно передавал его бросавшемуся со всех ног к нему Мельникову и важно подходил к двери. Ковалев отворял дверь и с поклоном пропускал «офицера» в дом. Черкесин или турок не всегда ласково, но встречали Фонова-Андронина, подавали плов, табак, а иногда и водку. После приема пищи Фонова-Андронов брал папироску в зубы, звал Василия и говорил ему: «Первое — спичку, второе — я напишу на записке, сколько с нас причитается, а ты из моей суммы уплати, а третье — бери чашку и ешь там». Ковалев уносил чашку с едой на двор, где они с Мельниковым ели. В это время Кожемякин расспрашивал хозяина: его фамилию, какого рода, сколько ему за все нужно денег. Потом входил Ковалев, брал записку. Кожемякин приказывал по ней уплатить, а сам благодарил хозяина за гостеприимство и выходил. Ковалев бежал помогать барину сесть в седло, и все быстро уезжали.

Простота и фальшивость офицерского одеяния Кожемякина у многих хозяев вызывали подозрение. На это находчивый Кожемякин говорил, что о своем повышении за взятие в плен Мухтара-паши он узнал, находясь в дороге, и в Гасан-Кале его ждут серебряные эполеты.

Необходимо отметить, что, рассказывая об этом, Василий Ковалев размышляет о законности их действий и приходит к выводу, что они все-таки не грабежом и разбоем занимались, а «надували доверчивых людей», и если бы обманутые пожаловались, то могли бы получить свое, тем более что фамилии и сколько взято у каждого из них, казаки записали [22, с. 32—34].

Военно-фронтальная жизнь человека насыщена пограничными ситуациями. Одной из них является плен, попадая в который казаки подвергались ужасным пыткам. В деревне Стрыков раненый казак 2-й сотни 29-го Донского казачьего полка Сергей Доманов попал в плен. Немцы выкололи ему глаза и отрезали уши, нанесли множество ран, а затем до смерти затоптали ногами. После ухода немцев жители деревни похоронили казака [20, л. 28].

Общее количество попавших в плен казаков в годы Первой мировой войны было крайне невелико. Пленных казаков враги подвергали жестоким пыткам. Были случаи, когда попавшему в плен казаку вырезали лампасы на ноге вместе с телом... «и если в критический момент не находили казаки выхода от плена, то некоторые надевали брюки солдатские, а свои топили в болоте или просто зарывали в землю, а многие умирали, не сдаваясь врагу» [4, л. 7—8].

По мнению Г. Л. Воскобойникова, крайне незначительное количество пленных (6453) и пропавших без вести казаков «говорит о высокой дисциплине и моральном духе личного состава казачьей конницы, верности воинскому долгу» [3, с. 141].

В условиях войны особенно ярко проявляется психологический концепт «свой — чужой», казакам было свойственно проявление жестокости по отношению к врагу. Сотенный кузнец-богатырь, казак Подымов действовал не по уставу и в поединке добил раненого курда. На вопрос офицера, почему он не выполнил устав, Подымов ответил: «Ы-ы... Ваше благородие! Ну, а ежели бы он мне ранил, так, вы думаете, он не добил бы?» [8, с. 27]. Присутствующие при этом разговоре другие казаки полностью поддержали Подымова. Через полгода за этот «подвиг» Подымов был награжден Георгиевским крестом 4-й степени.

Отставного сотника Кубанского казачьего войска Дмитренко приговорили к смертной казни через повешение за ограбление мирных жителей и убийство двух китайцев, защищавших свое добро. Смертный приговор впоследствии был заменен ему 20-летней каторгой [9, с. 88—89].

Во время русско-японской войны в одной из деревень японцы спрятались в подвал. Казаки пытались выкурить их оттуда зажженным гаолянном, но так как они не хотели выходить, их сожгли заживо [9, с. 403]. Однако подобные проявления были скорее девиациями, а не нормой.

Итак, анализ архивных документов и источников личного происхождения позволил нам представить собирательный образ казака-воина второй половины XIX — начала XX века. Независимо от войсковой принадлежности это были отважные, хорошо подготовленные и организованные воины, умеющие переносить экстремальность походных условий, славившиеся честностью и верностью воинскому долгу.

Список использованных источников и литературы

1. Баддели Дж. Завоевание Кавказа русскими. 1720—1860. М. : Центрполиграф, 2011.
2. Балинов Ш. Чем было казачество. Прага : изд. ред. жур. «Вольное Казачество», 1931.
3. Воскобойников Г. Л. Казачьи формирования в Первой мировой войне // Проблемы казачьего возрождения : сб. науч. статей. Ростов-на-Дону : Логос, 1996. Ч. 2.
4. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-1474. Оп. 1. Д. 8.
5. Ганин А. В. Накануне катастрофы. Оренбургское казачье войско в конце XIX — начале XX в. (1891—1917 гг.). М. : ЗАО Центрполиграф, 2008.
6. Дневник донского казака С. П. Полушкина. 1877—1878 гг. СПб., 1880.
7. Дюма А. Кавказ : пер. с фр. Тбилиси : Мерани, 1988.
8. Елисеев Ф. И. Казаки на Кавказском фронте. 1914—1917: Записки полковника Кубанского казачьего войска в тринадцати брошюрах-тетрадах. М. : Воениздат, 2001.
9. Квитка А. В. Дневник Забайкальского казачьего офицера. Русско-японская война 1904—1905 гг. Ил. и фото авт. СПб., 1908.
10. Колпикова Е. Ф. 300 писем расстрелянного есаула. М. : РИПОЛ классик, 2009.
11. Кром М. М. Повседневность как предмет исторического исследования [Электронный ресурс]. URL: <http://old.eu.spb.ru/reset/files/krom.pdf>.
12. Любичанковский С. В. Проблема определения субъекта повседневности в историческом исследовании // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. Т. 14, № 3. С. 150—153.
13. Любичанковский С. В. «Условия повседневности» как базовый элемент исторического анализа повседневной жизни // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 7. С. 154—157.
14. Любичанковский С. В. Повседневная жизнь уральского казачества в XIX веке: систематизация опубликованных до революции источников мемуарного характера на научно-образовательном сайте «Источник» // Казачество: проблемы исторической памяти и культурной идентичности : материалы всерос. науч.-практ. конф., Магнитогорск, 18—19 апр. 2014 г. Магнитогорск : Изд-во МаГУ, 2014. С. 5—8.
15. Первый Нерчинский полк Забайкальского казачьего войска. 1898—1906 гг. Исторический очерк / составил А. Е. Маковкин. СПб., 1907.
16. Пушкарева Н. Л., Любичанковский С. В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от Школы Анналов к российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 4. История. № 1. С. 8—22.

17. Рассказы о службе астраханских казаков. Записаны А. А. Догадиным. Издание Астраханского казачьего войска. Под редакцией Комиссии по собиранию казачьих рассказов и песен. Астрахань, 1908.
18. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1434. Оп. 1. Д. 1.
19. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 38.
20. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 40.
21. Рохмистров Е. П. Казаки — воины, пахари. Челябинск : Изд-во Татьяны Лурье, 2008.
22. Сенявская Е. С. Человек на войне: историко-психологические очерки. М., 1997.
23. Фадеев Р. А. Кавказская война. М. : Эксмо : Алгоритм, 2005.
24. Lyubichankovskiy S. The Practice of Regional Description in the Military Science of the Russian Empire (“Military and statistical analysis” and its Practical Uses Late in the 19th — Early in the 20th centuries) // Image of the Region in Eurasian Studies / ed. by Suchandana Chatterjee. New Delhi : KW Publishers Pvt Ltd, 2014. P. 17—33.

Поступила в редакцию 30.06.2015 г.

Годовова Елена Викторовна, кандидат исторических наук, доцент
 Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Оренбургский филиал)
 Российская Федерация, 460006, г. Оренбург, ул. Курача, 26
 E-mail: godovova@mail.ru

UDC 94 (47)

E. V. Godovova

«A Cossack without a service is not a Cossack»: the collective image of the Cossack warrior (the second half of the 19th — the beginning of the 20th centuries)

Based on archival materials and sources of personal origin, the author comes to the conclusion that in extreme field conditions the second half of the 19th — the beginning of the 20th centuries a special image of a Cossack warrior is formed. Regardless of the military troops identity Cossacks were strong, courageous, dexterous, hardy, famous for honesty and sense of duty.

Key words: Cossack, Cossacks, warrior, military service, military and marching daily occurrence.

Godovova Elena Viktorovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
 Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Orenburg branch)
 Russian Federation, 460006, Orenburg, ul. Kuracha, 26
 E-mail: godovova@mail.ru